

СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ Г. ВЕРХНЕУДИНСКА / УЛАН-УДЭ: ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ¹

В статье исследуются последствия политических и экономических преобразований 1920-х – 1930-х гг., кардинально отразившихся на социальной структуре общества и приведших к изменениям численности и состава основных слоев населения г. Верхнеудинска / Улан-Удэ.

Ключевые слова: город; трансформация; социальная структура; индустриализация; урбанизация; демографические процессы.

Kirichenko Svetlana Victorovna
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russian Federation

STRUCTURE OF EMPLOYMENT IN VERKHNEUDINSK / ULAN-UDE: DYNAMICS AND DEVELOPMENT TRENDS

The author investigates the consequences of the political and economic transformations of the 1920s and 1930s. They radically affected the social structure of society and led to changes in the number and composition of the main strata of the population of Verkhneudinsk / Ulan-Ude.

Keywords: town; transformation; social structure; industrialization; urbanization; demographic processes.

Социальная структура городского населения г. Верхнеудинска / Улан-Удэ исследуется нами на основе данных о самостоятельном населении, или лиц, имевших самостоятельный источник средств существования (заработок, доход). В их числе иждивенцы государственных и общественных учреждений, безработные и военнослужащие. Несамостоятельные – лица, живущие на средства других. К этой категории были причислены дети до 10-летнего возраста [Всесоюзная..., 1926, с. 46]. В 1923 г. 59,08 % мужчин и 21,1 % женщин г. Верхнеудинск относились к самостоятельному населению [Материалы..., 1926, с. 1]. При этом выделялись такие социальные категории горожан, как рабочие, служащие, прислуга, лица свободных профессий, хозяева с наемными рабочими, хозяева, использующие труд членов семей, хозяева-одиночки, безработные, деклассированные. В каждой из этих категорий, в свою очередь, выделены более мелкие группы по профессиям, положению в занятии, занимаемой социальной ступени в сфере общественного производства.

Сложность заключалась в том, что подобная конфигурация социально-профессионального состава препятствует выявлению четкой социально-классовой структуры городского населения, хотя данные позволяют провести систематизацию сведений по отношению к средствам производства, роли в общественной организации труда, способу получения дохода. Опираясь на них, попытаемся выделить основные элементы социальной структуры городского населения.

Доля рабочих в городском населении республики составляла 26 % всего самостоятельного населения, в Верхнеудинске – 23,3 %. В промышленности занятость составляла 32,38 %, в строительстве – 4,28 %. Наиболее развитой сферой производства являлся транспорт, в котором было занято 27,83 % всех рабочих города, в железнодорожном транспорте – около 23,3 %. Обращает на себя внимание невысокая вовлеченность женщин в производственные процессы. Так, доля женщин в составе рабочих составляет всего 19 %. Понятно, что наибольшей доля женщин-рабочих была среди швейников

– 75,5 % [ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–13; Материалы..., 1926, с. 8]. Были и чисто мужские профессии – горнорабочие, металлисты, водники и т.д.

С изменением отношения власти к частному капиталу и свободной торговле в связи с введением НЭПа в городе появились так называемые «буржуазные элементы» – нэпманы. Доля этой социальной группы в составе самостоятельного населения Верхнеудинска равнялась 18,56 %. К ним относились выделенные переписью 1923 г. «хозяева с наемными рабочими», которые представляли в большинстве случаев торговую и промышленную буржуазию города; хозяева, работавшие только с членами семьи; владельцы мелких промышленных и кустарно-ремесленных учреждений, не прибегавшие к найму рабочей силы; хозяева-одиночки, к числу которых относились портные, сапожники, извозчики, парикмахеры, мелкие торговцы, часовщики и т.д.; «помогающие члены семьи» (ими признавались исключительно родственники всех степеней и приемыши, живущие совместно с хозяином, ведущие с ним хозяйство и не получающие за свою работу от домохозяина зарплаты в какой-либо форме); рантье, лица, жившие на доходы от мелкого домовладения и спекулятивной торговли» [Материалы..., 1926, с. 9; Всесоюзная городская..., 1924, с. 42–50].

Исходя из этих данных, можно сделать вывод о складывании конфигурации, характерной для города, находящегося в районе с преобладанием аграрного и мелкотоварного типа хозяйств. Об этом говорит и факт существования довольно широкого слоя рантье и хозяев, работавших с членами семьи, связанных с сельскохозяйственным производством. К этому мы можем добавить данные о профессиональном составе населения республики, дающем возможность судить о степени проникновения частного капитала в производство.

Представленная таблица позволяет говорить о сосуществовании различных форм собственности при несомненном преобладании государственной. В то же время стоит отметить довольно прочные позиции частного капитала с долей занятости рабочих до 10 % в первые годы НЭПа.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

Таблица 1

Профессиональный состав населения Бурят-Монгольской АССР по данным на 1 октября 1924 г.

Категории предприятий	рабочие	%	служащие	%	итого	%
государственные	1820	72,3	3991	87,5	5811	82,1
общественные	446	17,8	483	10,6	929	13,1
частные	250	9,9	85	1,9	335	4,8
всего	2516	100	4559	100	7075	100

Сост. по: ГАРБ Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 643. Л. 11.

Таблица 2

Служащие и лица свободных профессий в самостоятельном населении Верхнеудинска в 1923 г.

Категория	муж.	%	жен.	%	лиц обоего пола	%
администрация и суд	206	3,22	10	0,44	216	2,49
технический персонал	52	0,81	1	0,04	53	0,61
служащие торгового и хозяйственного распределения	100	1,56	4	0,17	104	1,2
учетно-конт. персонал	205	3,2	28	1,23	233	2,68
делопроизводст. персонал	196	3,06	144	6,32	340	3,92
медики и санитары	65	1,01	81	3,56	146	1,68
культпросвет. персонал	79	1,23	91	4	170	1,96
служащие по охране безопасности	209	3,26	4	0,18	213	2,45
служащие народной связи	112	1,75	23	1,01	135	1,55
прочие служащие	44	2,25	17	0,75	161	1,85
итого по служащим	1368	21,35	403	17,70	1771	20,39
техники, медики, педагоги	5	0,08	13	0,57	18	0,21
художники, адвокаты	3	0,05	—	—	3	0,03
служители культов	17	0,26	24	1,05	41	0,47
итого по лицам свободных профессий	25	0,39	37	1,62	62	0,71

Сост. по: ГАРБ Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 182. Л. 1-13; Материалы по статистике Бурятии, 1926. С. 8-9.

Таблица 3

Социальный состав городского населения Верхнеудинска в 1926 г.

социальная группа	кол-во чел.	в % к итогу	в % к 1923 г.	% по Европ. России
рабочие	2917	17,6	144	30,5
служащие	4862	29,5	274,5	28,4
лица свободных профессий	84	0,5	135	0,5
хозяева с наемными рабочими	248	1,5	420	0,6
хозяева, работающие только с членами семьи	1177	7,14	315	4,5
хозяева-одиночки	1765	10,7	226	6,8
помогающие члены семьи	1291	7,8	662	7,2
безработные	1412	8,5	87	10,8
прочие, в т.ч. не указавшие источника средств существования	2725	16,5	230	0,5
все самостоятельное население	16481	100	189,7	100

Сост. по: Бурятия в цифрах: 1931, с. 13; Материалы по статистике Бурятии, 1929, с. 50-56.

Значительную долю населения в 1920-е гг. составляли безработные. Смена общей трудовой повинности на свободный наем рабочей силы привел к сокращению числа работников на предприятиях. В годы НЭПа безработица стала характерной чертой городской повседневности. В 1923 г. в Верхнеудинске насчитывалось 1622 безработных, что составляло 18,08 % всего самостоятельного населения и превосходило общероссийские показатели на 10,6 %.

В городе была сосредоточена значительная часть служащих, составлявшая 20,39 % самостоятельного населения. Доля служащих среди горожан была значительно ниже, чем в среднем по РСФСР, где этот показатель был равен 26,2 %. Это во многом было связано со слабым развитием социальной сферы в Верхнеудинске и началом национально-культурного строительства. Специалисты в сфере контроля и управления были традиционно многочисленны. В то же время с общероссийскими показателями совпадала доля «лиц свободных профессий» (0,7 %). К ним относились специалисты, имевшие частную практику, в их числе врачи, педагоги, адвокаты, художники, а также священнослужители.

Еще одну категорию верхнеудинского населения составляли иждивенцы государственных и общественных учреждений – 8,36 %. Для сравнения: по РСФСР этот показатель был немного выше – 9 %. В этот социальный слой входили пенсионеры, учащиеся-стипендиаты, больные, инвалиды, учащиеся интернатов, заключенные.

Для анализа социальной структуры городского населения середины 1920-х гг. обратимся к таблице 3.

В середине 1920-х гг. наблюдалась тенденция к увеличению числа рабочих и служащих среди городского населения. Прирост числа рабочих в 1926 к 1923 г. составлял 144 %, а служащих – 274,5 %, при этом доля рабочих в общем составе самостоятельного населения города сократилась до 17,6 %, а доля служащих стремительно выросла до 29,5 %. В условиях НЭПа, характеризовавшейся «допущением» частного капитала в экономику страны, расширился слой предпринимателей-нэпманов. Хозяева с наемными рабочими, представлявшими самую активную предпринимательскую часть горожан Верхнеудинска, увеличили долевое участие в составе самостоятельного населения города до 1,5 % в 1926 г. Показательно, что к 1926 г. все категории

нэпманов значительно возросли как в абсолютных, так и в долевых параметрах. Это отчасти объясняется тем, что мероприятия НЭПа в регионе проходили со значительным опозданием. Поэтому данные 1923 г., которые служат основой для определения прироста в последующие годы в республике, были низкими. Несмотря на развитие частной инициативы, государство пристально следило за характером трудовых отношений на производстве. Об этом можно судить по Перечню полномочий инспектора охраны труда, должность которого была введена на территории республики постановлением Дальревкома от 26 декабря 1922 г. В общем социальном составе городского населения Верхнеудинска наблюдался рост числа представителей лиц свободных профессий – на 135 %. По мере возрастания благосостояния и организации жизни на местах происходило пополнение данной социальной группы.

Эти цифры являются отражением общего подъема хозяйственной жизни советского города и улучшения социально-экономической ситуации в стране на протяжении 1920-х гг., хотя сохранялись такие социальные аномалии, как беспризорность и безработица. Нищие и беспризорные в возрасте от 10 до 15 лет в целом по республике представляли группу общей численностью в 50 чел. [Всесоюзная..., 1926, с. 378]. Сокращалась доля безработных. Так, в 1922 г. на 100 предложений приходилось 13,9 мест, в 1925 г. – 38,9. Судя по материалам Переписи 1926 г., показатели безработицы уменьшились как в абсолютном, так и в долевым количестве – с 1622 в 1923 г. до 1412 чел. в 1926 г., или с 18,08 % до 8,5 % к общему числу самостоятельного населения Верхнеудинска [Материалы..., 1926, с. 120–121].

Направление и темпы изменений в численности отдельных классов, социальных слоев и групп самостоятельного городского населения от 1920-х к 1930-м гг. были различны: для одних классов и социальных слоев характерным являлось увеличение численности, для других, наоборот, резкое сокращение. Об этом мы можем судить на основе данных следующей таблицы 4.

К началу 1930-х гг. произошло резкое увеличение доли рабочих в общем составе горожан – с 17,6 % в 1926 г. до 49,4 % в 1934 г., что было связано со строительством ряда крупных предприятий в городе, продолжалось строительство паровозовагоноремонтного завода, мясохладокombината, стеклозавода. Значительно возросло количество рабочих из бурят: в 1934 г. в совокупном показателе рабочих города они составляли 14,2 %, а по республике в 1935 г. удельный вес рабочих-бурят составил 16 % к общему числу рабочих [Отчет Правительства..., 1935, с. 8].

В условиях перехода к политике форсированной индустриализации (1928–1932) в стране планировалось заложить экономический фундамент социализма, за годы второй пятилетки (1933–1937) – построить социалистическое общество, за годы третьей (1938–1942) – догнать развитые страны по производству промыш-

ленной продукции на душу населения и начать «поступательный переход от социализма к коммунизму». В связи с низкими стартовыми условиями БМАССР индустриальное развитие края началось позднее, чем в центральной части страны. Для реализации намеченных планов необходимо было интенсивное развитие промышленности, а это требовало большого количества рабочих рук. В течение 1930-х гг. на фоне индустриализации происходит дальнейшее изменение социальной структуры городского населения. По причине относительно небольшой численности населения в городах республики стал ощущаться дефицит рабочих рук. Так, например, если к началу первой пятилетки на Верхнеудинской бирже труда числилось 1638 чел. [Митупов, 1958, с. 37], в республике было 2200 безработных, то в 1931 г. в промышленности республики уже не хватало 5433 рабочих.

Профессиональный состав рабочих свидетельствует о значительных изменениях, произошедших в нем в связи с индустриализацией и преимущественным развитием промышленных предприятий. В 1930-е гг. индустриализация привела к развитию социально-профессиональных групп, связанных с крупным государственным механизированным производством, представленным в основном предприятиями ценовой промышленности. На них работало 19,8 % трудящихся. Именно здесь была сосредоточена основная масса рабочих, имевших или получавших среднее образование. Происходил уверенный рост занятости во всех областях народного хозяйства. Исключением является строительство, где после пуска в строй основных промышленных предприятий происходило кардинальное сокращение занятости как в абсолютном, так и в долевым отношении. Традиционно высокий процент рабочих был в железнодорожном транспорте. Исходя из данных о профессиональном составе рабочих и служащих в 1935–1936 гг., мы можем утверждать, что структура занятости в республике и г. Улан-Удэ как центре индустриальных процессов соответствует направленности советского типа модернизации.

В ходе социально-экономических изменений, происходивших в стране в 1920–1930-е гг., г. Верхнеудинск / Улан-Удэ стал одним из промышленных центров с довольно высокими темпами урбанизации, в первую очередь, за счет механического прироста населения, характерной особенностью которого являлся активный приток сельских жителей и переселенцев из близлежащих городов.

За рассматриваемый период значительно изменилась социальная структура города. Отличительной ее чертой стало наличие классовых групп нового советского общества. В 1930-е гг. исчезает частнопредпринимательский слой, большая часть которого перешла в разряд кооперативных работников (их удельный вес в составе трудящихся составил к 1936 г. 0,25 %), другая часть продолжала заниматься мелким кустарным про-

Таблица 4

Социальный состав самостоятельного населения г. Верхнеудинск / Улан-Удэ

Социальные группы	1931	1934		В % к итогу	
		всего	в т.ч. бурят	1931	1934
рабочие	8000	15851	1136	36,9	49,4
служащие	6779	8963	1376	31,2	27,9
кустари и ремесленники	2011	704	47	9,3	2,2
прочие	4903	6557	1535	22,6	20,5
всего самостоятельных	21693	32075	4094	100	100

Сост. по: Бурятия в цифрах, 1934, с. 13–15.

мыслом и сельским хозяйством [ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 182. Л. 6].

Произошел значительный рост численности рабочих. К концу 1930-х гг. они составляли большую часть горожан. Причем, если раньше рабочие были заняты в основном в транспортном хозяйстве и переработке продукции сельского хозяйства, мелкотоварном производстве, то в 1930-е гг. произошло смещение в сторону их занятости в фабрично-заводской промышленности. Среди служащих немного вырос процент людей, занимавшихся интеллектуальным трудом, хотя он продолжал оставаться невысоким к общему числу городского самостоятельного населения. Благодаря процессам индустриального развития, в городе было официально покончено с безработицей.

Общность политических и социально-экономических условий развития республики и СССР в целом явилась основой того, что по главным показателям ситуация, сложившаяся в Верхнеудинске/Улан-Удэ в

1920-1930-е гг., совпадала с картиной, характеризующей городское население всей страны. При этом принадлежность к какому-либо классу, социальному слою или группе определяла особенности протекания демографических процессов как внутри каждой социальной группы, так и в обществе в целом, что, в свою очередь, оказывало воздействие на структуру повседневной жизни населения в рассматриваемый период. В результате социально-экономических преобразований в 1930-е гг. сложилась новая социальная структура: рабочий класс – 36,3 %, класс кооперативного крестьянства – 42,4 %, кооперированных кустарей – 1,4 %, единоличники, некооперированные кустари составили 1,6 %, интеллигенция – 7,3 %, служащие-неспециалисты – 11 %. Социально-экономическая политика привела к полному вытеснению частного сектора, подчинению промышленности и сельского хозяйства государственному планированию и управлению.

Литература

- Бурятия в цифрах: От V к VI республиканскому съезду Советов. 1931–1934. Улан-Удэ, 1934.
- Всесоюзная перепись населения 1926 г. Бурят-Монгольская АССР. Отдельный оттиск табличной части. Т. XXIII. М.: Изд-е ЦСУ Союза ССР, 1930. 412 с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 г. Сибирский край Бурят-Монгольская АССР. Т. XXIII. Отдел II. Занятия. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929.
- Материалы по статистике Бурятии. Вып. 1. Население-труд. Верхнеудинск, 1926. 138 с.
- Митупов Б. М. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 143 с.
- Отчет Правительства VI Съезду Советов Бурят-Монгольской АССР (Доклад председателя ЦИК СНК Бурят-Монгольской АССР тов. Доржиева о работе Правительства за период времени с V по VI Съезд Советов Республики). Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1935. 71 с.
- Всесоюзная городская перепись 1923 г. Т. XX. Ч. 1. Вып. 1. М.: ЦСУ СССР, 1924.